ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
ПРИГРАНИЧЬЕ
АНДРЕЙ КРУЗ, ПАВЕЛ КОРНЕВ
ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК

Приграничье

Павел Корнев

Хмель и Клондайк

«АЛЬФА-КНИГА»
2015

Корнев П. Н.

Хмель и Клондайк / П. Н. Корнев — «АЛЬФА-КНИГА», 2015 — (Приграничье)

ISBN 978-5-9922-2032-2

Приграничье – несколько городов, вырванных из нашего мира в царство вечной стужи, а Форт – самое сердце тех заснеженных земель. Случайно пересечь незримую грань и провалиться в эти не самые дружелюбные края может каждый, вот только далеко не каждому суждено добиться там успеха и даже просто остаться в живых. Вячеслав Хмелев и Николай Гордеев не пасуют перед сложностями, но они даже представить не могли, как далеко придется зайти, чтобы отвоевать себе место под солнцем.

ISBN 978-5-9922-2032-2

© Корнев П. Н., 2015
© АЛЬФА-КНИГА, 2015

Павел Корнев, Андрей Круз
Хмель и Клондайк

Коля Клондайк, чуть раньше чем за год до событий

От Фэрбэнкса до моста через Юкон примерно сто тридцать майлов. Миль. Я уже привык тут к милям и перестал пересчитывать их в километры. Больше трех часов езды по узкому и почти пустынному шоссе Аляска-2. Зимой здесь мало катаются, да и чистят дорогу не так уж и часто, снег больше ветром сдувает. Но в кабине нового, почти с нуля, «сильверадо» тепло и уютно – грузовик считай из магазина недавно, новой машиной пахнет. Разве что я его еще до ума довел для дальних поездок, а по-другому здесь ездить нельзя: тут даже на выезде из города есть плакатик про то, что «не уверен – не выезжай».

Но в ту сторону совсем не страшно, со мной еще две машины. Это обратно я поеду один, тогда нервов будет чуть больше. Но у меня с собой спутниковый есть, так что совсем уж не пропаду, случись что. А так – да, не сезон кататься далеко от города, особенно настолько далеко.

Машинально поднял глаза на потолок, где у меня в креплении висит помпа «ремингтон» с пистолетной рукояткой – моя главная противомедвежья оборона. Их тут много, медведей этих самых, к тому же они вообще отвыкли человека бояться. И такие дробовики здесь опытные люди часто таскают, повесив за спину и зарядив пулей.

Глянул в зеркало: не растрепало ли брезент в кузове? Нет, все нормально, притянут «банги-кордами» к своему месту, как я его и уложил. Там, к слову, дробовиков еще десяток, не считая остальных стволов и прочего, но это я в конце маршрута отдам. В пикапе «шеви С-10», что едет позади, тоже всякого нагружено. С тех пор как в моей жизни появился Платон, он же Серега Платонов, «кондуктор», как он сам себя называет, торговля в моем магазине пошла очень лихо, не успеваю товар выписывать.

Кстати, что они вообще со всем этим имуществом делать собираются? Мужик, что вроде как за покупателя, разбирается в этом всем слабо, я поговорить успел. На половину из того, что от меня услышал, он просто глазами хлопал. А второй вообще какой-то чудной, нервный. Первый раз в Америке? Ну и что?

Хотя… они же за Платоном в первый раз, и скорее всего единственный. Я в этом разбираюсь слабо, да и Платон, хоть потрындеть и любитель, подробностей не разглашает, но знаю точно, что система там «ниппель», то есть туда дуй, а оттуда… ничего. Занервничаешь тут.

Вот в этот «ниппель» Платон сейчас и полезет, вместе с двумя машинами и тремя людьми. Потом он опять появится здесь, через месяц или два, а вот эти трое и две машины так и исчезнут. Где-то там, куда они едут. А мне и здесь хорошо. Я вновь закажу всякого, найду пару очередных пикапов почтенного возраста, но в хорошем состоянии, вроде тех, что сейчас со мной в колонне идут, отдам их мастерам, которые доведут их до состояния «почти новье», а Платон потом рассчитается со мной наличными – и всем хорошо.

Зеленые ели, серый асфальт, белые наметы снега на нем. Ветер сильный и злой, чувствую, как машину время от времени просто раскачивает на дороге. А идущий впереди красный «форд» так еще и виляет заметно под его порывами. И ни единой души навстречу за последний час поездки так и не попалось. Аляска, да еще и центральная ее часть, кому тут ездить? И нефтяные места мы в основном миновали.

– Платон, не проскочи, скоро сворачивать, – напомнил я по радио.

– Помню, – ответила его голосом маленькая пластиковая коробка.

– Эй, в «шеви», как слышите? Почти на месте, скоро сворачиваем.

– Я понял.

Кто из них ответил? Пока по голосам не научился различать. Да и учиться незачем: больше все равно не увидимся никогда.

Кстати, почему Платон сплав для пуль не у меня заказал? Не проще было бы? Сам привез откуда-то, в ящиках. Вон их вижу, под брезентом, как раз впереди. Увидел и вспомнил. Я же такой почти бесплатно мог подогнать.

Так, уже поворот… изменившийся ветер хлестнул крупой в лобовое стекло. Это еще не зима, но зима на носу.

Узкая техническая дорога то ли лесной службы, то ли к какому-то старому нефтяному объекту. Указатель снесли давно, а специально не интересовался. Нам от шоссе ехать недалеко – всего метров триста, за первый изгиб проселка.

Свернули, встали в колонну вдоль дороги, при этом я жестом пропустил ехавший сзади «шеви» вперед. Я останусь, а ему уезжать. Когда машина с двумя мужиками внутри проехала мимо, столкнулся взглядом с ее пассажиром. Напряженный он явно… или я ему не нравлюсь. Но вообще с Платоном и его людьми эксцессов не бывает, не первый раз встречаемся и не в первый раз сюда приезжаем.

Ну все, теперь здесь потоптаться придется. А может, даже и вернуться, такое пару раз тоже случалось. Покрутится Платон по снегу, съежившись и засунув руки в карманы, а потом плюнет и скажет, что, мол, поехали обратно, не открылось окно. И придется вновь возвращаться сюда через пару дней. А вот два раза возвращаться уже не приходилось: на второй раз всегда все срабатывало.

Не сглазить бы.

Синхронно открылись двери во всех машинах, люди выбрались наружу. Платон, высокий, плечистый и румяный, круглое лицо с кудрявой светлой бородой, совсем молодой, к слову, даже борода его старше не делает, прямо стоя у кабины, сменил легкий красный пуховик на добротный тулуп. «Там холоднее», – как-то объяснил он мне. С ним еще один мужик, назвался Дмитрием, лет под сорок, худощавый, похож на военного – я своих всегда узнаю. Он из Питера прилетел неделю назад и ждал Платона в Фэрбэнксе, в мотеле. Мы с ним и по пиву успели сходить. Сейчас у него на плече кобура с револьвером из моего товара, но он идет туда, куда все они идут, с одним рюкзаком, все остальное на этот раз двое из «доджа» закупили.

Старшим у них Валентиныч, как он сам себя представил, веселый такой мужик за тридцатник возрастом, невысокий и шустрый, вроде как из Омска. Ни к какой конкретной категории я его не отнес, мужик и мужик, на руке, на тыльной стороне ладони татуировка какая-то, но не блатная и не дворовая, а прямо произведение искусства – руны, переплетенные в узор. С его внешностью и манерой общения такой партак совсем никак не вяжется. Я спросил у него, что это все означает, но он отмахнулся и сказал, что сам не знает. «Там нужно, говорят», – пояснил он.

Вторым был Серега – высокий, бритый почти наголо, мне почему-то омоновца напомнил. Убей бог не пойму почему, но вот такая ассоциация. Может быть, похож на кого-то, кого я раньше встречал, не знаю. Серега особо в разговор не лез, доверял это дело Валентинычу, а тот за двоих справлялся с большим успехом.

– Платон, что? – крикнул я. – Перегружаемся?

Ветер опять накинулся порывом, забравшись под расстегнутую куртку, и я прижал полы руками, не дав им подняться крыльями и позволить выдуть из меня все скопленное в кабине тепло.

– Погоди!

Ага, с «окном» разбирается – сработает или нет. Совершенно неожиданно Валентиныч сказал, подойдя:

– Да нормально все будет, давай перекидаем ящики, чтобы потом времени не терять.

– Уверен? – усомнился я, бросив взгляд на повернувшегося ко мне спиной Платона.

– Я тебе точно говорю, – уверенно кивнул Валентиныч.

Вообще это был не звоночек, а сигнал тревоги, и если бы я знал об этом столько же, сколько знаю сейчас, то черт знает, как бы та история закончилась. Но знал я мало и на странности внимания почти не обратил. Ну почти не обратил. Поэтому спокойно отстегнул брезент в кузове своего «сильверадо» и взялся за ручки верхнего ящика, глуховато звякнувшего металлом внутри.

– Давай, Серега, помогай ему. – Валентиныч чуть подтолкнул в спину своего напарника.

Платон между тем прошел по дороге дальше, не обращая на нас никакого внимания. Он, пока своего «окна» ждал, чуть не в транс впадал, на внешние раздражители не реагируя. И это было второй причиной, по которой я тот сигнал тревоги пропустил.

Мы с Серегой, к которому присоединились и Валентиныч с Дмитрием, быстро перебросили груз из моего кузова в «шеви», затянули брезент. Тяжеловато получилось, как мне кажется, но я у него подвеску усилил. Валентиныч о чем-то болтал, к чему я не прислушивался, Дмитрий пытался на ветру закурить сигарету, закрывая огонек зажигалки ладонями, а вот Серега выглядел как-то… совсем нервно. Так нервно, что мне это совсем не понравилось.

Где-то в глубине сознания шевельнулась мысль о том, что все идет как-то неправильно. Может, и правильно по всем внешним признакам, но все равно наперекосяк. И Валентиныч как-то неуместно болтлив, и Серега что-то на нервах явно, и Платон вообще ни за чем вокруг не следит…

А Платон возвращался по дороге быстрым шагом, с довольным выражением лица, какое у него всегда бывало, когда он убеждался, что «окно» работает. При его появлении Серега совсем напрягся, правая его рука скользнула за спину, где висел стволом вниз дробовик из моих опять же запасов, и тут в голове у меня зазвенели колокола громкого боя.

Вообще-то у меня не только дробовик в кабине висел под потолком. Куртка на мне была распахнута, но вполне удачно прикрывала кобуру с двадцатым «глоком», за который я схватился, чуя быстро набегающее нехорошее, и заорал:

– Замерли оба!

Серега оказался на удивление быстр со своей помпой. Он был левшой, как я успел заметить, поэтому и предпочел из всех дробовиков «браунинг», который бросал стреляные гильзы вниз, под ноги. Еще он нес оружие «по-африкански», то есть стволом вниз на стороне слабой руки. Когда я еще поднимал пистолет на уровень глаз, Серега успел перехватить свой «браунинг» за цевье, направив его на меня и быстро сместившись в сторону, и даже взять его сильной рукой. Но все же я сработал быстрее – «глок» дважды треснул выстрелами, выплюнул двойку десятимиллиметровых пуль Сереге в грудь, заставив качнуться назад, заваливаясь на красный борт пикапа, а затем я перенес огонь на оказавшегося все же не таким расторопным Валентиныча.

Тот заорал что-то ругательное, схватился за свое ружье, но запутался в ремне, засуетился, и я его застрелил вполне прицельно – два в грудь, один в голову, – убив на месте.

Я умею стрелять, причем умею это делать очень хорошо. Намного быстрее и точнее, чем большинство других стрелков. Поэтому и удивился неожиданной расторопности Сереги, который сидел сейчас на снегу у машины, глядя на меня широко раскрытыми глазами, а изо рта у него толчками выплескивалась кровь.

Не могу сказать, что я хотел сделать в тот момент: допросить его или просто добить? Нет, не помню. Помню, что я ни на секунду не подумал о том, что Дмитрий тоже может быть угрозой. Он ведь приехал отдельно и даже сюда катил в кабине с Платоном, а не с этими двумя. Поэтому в меня он выстрелил без всяких помех, я даже не увидел, как он вскинул оружие.

Тяжелейший удар в грудь, остановившееся дыхание, крик Платона: «Ты что сделал, дурак?» – и дальше закружившееся небо.

Скрип снега. Красное на белом, я упал на бок.

Сознания я так и не потерял, хотя дыхание отказывалось возвращаться, а боль в груди была такой, что я должен был умереть от нее на месте, просто не выдержав. Еще больнее стало, когда я увидел растерянное лицо Дмитрия совсем близко. Потом меня оторвало от земли, и я оказался в кузове пикапа, прямо на желтом брезенте, укрывающем ящики. Теперь уже изо рта у меня лила вишневого цвета кровь, я чувствовал ее вкус и слышал, как она хлюпает у меня в легких.

«Хана», – созрела четкая мысль, мгновенно превратившаяся в уверенность.

С такими ранами не живут. И с таким кровотечением.

Страха не было. Страх – он от надежды, а надежда даже близко ко мне не подошла. Это уже смерть, я – часть круговорота всего сущего в природе.

Ну и куда меня собираются везти? Зачем? Что это изменит? Упрятать труп? И почему Дмитрий? И при чем тут Платон? И что это вообще было?

Я даже успел ощутить, как машина подо мной рванула с места, а дальше меня насквозь прострелило болью, и свет в глазах померк.

Хмель. За неделю до событий

Утро! Я люблю утро.

Люблю тишину и спокойствие пустого бара, люблю посидеть за стойкой, пока не заглянули на огонек ранние посетители и не подошел персонал.

Хотя персонал – это громко сказано. Всего персонала у меня Ваня Грачев – бармен, грузчик и охранник в одном лице, да тетя Маша – приходящая стряпуха. Ну еще девчонок из «Ширли-Муры» время от времени на подмену вызываю, но их даже не пытаюсь запомнить, постоянно меняются.

А больше и не надо никого. Бар невелик, пять столов-кабинок да стойка с кранами. Но не распивочная, вовсе нет. Приличное заведение, мебель мореного дерева, свежее пиво.

Из-за пива сюда и приходят: пиво у меня собственное. Сам варю, сам продаю. На пиве и зарабатываю, а бар – так, больше для души.

Говорил уже, что нравится постоять за стойкой с утра? Вот-вот.

Пошарив по карманам карго-штанов, я достал коробок и начал выкладывать перед собой таблетки-горошины. Семь штук.

«Каждый охотник желает знать, где сидит фазан».

Именно так – по цветам радуги: красная, оранжевая, желтая, зеленая, голубая, синяя и фиолетовая. Чтобы точно не ошибиться.

Я наполнил стакан кипяченой водой из чайника, снял с левого запястья браслет со старенькой «Омегой» – вещицей еще из той, прежней жизни, – и тут за широким, забранным квадратами заиндевевших стекол окном мелькнула тень. Распахнулась дверь, с улицы ворвались клубы пара, повеяло холодом; двое крепких парней начали затаскивать в бар пустые кеги.

– Ставьте в угол, – попросил я.

– Да пусть вниз сразу отнесут! – предложил появившийся вслед за грузчиками светловолосый широколицый парень в распахнутой дубленке, крепкий и широкоплечий, но с заметным пивным животиком.

– Привет, Денис! – поздоровался я с совладельцем клуба «Ширли-Муры», через который расходилась добрая половина моего пива. – Пусть оставляют, Ваня сам отнесет.

– Совсем ты, Хмель, его загонял, – усмехнулся Селин, усаживаясь на высокий стул у стойки. – От него только кожа да кости остались!

Я вежливо улыбнулся. При росте в два метра и весе сто тридцать килограмм Ваня впечатления заморыша нисколько не производил; скорее уж наоборот.

– Это у вас он отъелся, – возразил я. – А у меня только-только в форму возвращаться начал.

Иван перешел ко мне как раз из «Ширли-Муры», где до того несколько лет проработал охранником. Человек он был надежный и проверенный, с обязанностями помощника справлялся на «отлично», заодно и за порядком приглядывал.

И мне спокойней, и его бывшим работодателям тоже… спокойней. При других обстоятельствах они могли бы стать моей крышей, но за охрану я им не платил, просто не задирал цены, только и всего. Как не задирал и другим своим оптовым покупателям – клубу «Западный полюс», владельцы которого имели непосредственное отношение к Дружине. В результате спокойно жил, не опасаясь ни пересмотра условий сотрудничества, ни выкручивания рук. Система сдержек и противовесов, как она есть. В Форте без этого никак.

Грузчики затащили в бар последние кеги и составили их в свободный угол, тогда я распахнул дверь и показал выставленную вдоль стены замену – десять кег по пятьдесят литров каждая.

– И мне пива захвати! – попросил Денис.

Я кивнул и сходил в «холодную» комнату, в уличной стене которой было пробито несколько сквозных отверстий. При желании их можно было заткнуть деревянными заглушками, но сейчас в этом никакой необходимости не было: термометр показывал десять градусов по Цельсию. Для пива лучше не придумаешь, а продукты хранились в соседней клетушке, там было холоднее.

Взяв с полки бутылку с бугельной пробкой, я вернулся за стойку и аккуратно перелил пиво в стакан. Полностью опустошать бутылку не стал – остаток с осадком выплеснул в раковину.

– Не многовато колес с утра? – поинтересовался Денис, принимая бокал.

Я выставил перед собой указательный палец, засек время и закинул в рот красную таблетку. Проглотил, запил глотком воды, выждал пятнадцать секунд и взял следующую.

Менять интервал между пилюлями и особенно очередность их приема не рекомендовалось производителем категорически. Возможно, это ничем особенно страшным и не грозило, но рисковать я не собирался в любом случае.

– И для чего это все? – усмехнулся Селин, отпив пива.

– Витамины, микроэлементы, красные кровяные тельца, давление… – сообщил я, допив воду.

– Давление? – немедленно усмехнулся Денис. – Это чтоб стоял, что ли? По бабам собрался?

– Мой лечащий врач такого не одобряет, – покачал я головой.

– Твой лечащий врач не одобряет баб?

– Категорически, – подтвердил я. – Никаких баб, кроме лечащего врача.

– А! – рассмеялся Селин. – А то уже беспокоиться за тебя начал.

Я нацепил металлический браслет с часами на запястье и защелкнул замок.

– Не стоит за меня беспокоиться.

– Да уж вижу, что не стоит, – хмыкнул Денис, допил пиво и щелкнул пальцем по пустому бокалу. – Вот почему ты нам такого пива не отпускаешь?

– Экономически нецелесообразно. Да и спросом пользоваться не будет.

Селин фыркнул:

– Мне же нравится!

– А как плевался первый раз?

– Дело привычки.

– Люди привыкли к пиву качественному и простому, так зачем их смущать? – усмехнулся я. – Кому нужно что-то особенное, «Мозаик блонд эль» или «Эль американский янтарный», тот всегда может зайти ко мне. Да я такого много и не варю, только для ценителей.

– А стаут? – спросил тогда Денис. – Стаут почему нам не продаешь?

– И стаута много не варю, – пожал я плечами. – Светлый эль хорош тем, что две недели брожения, потом неделя выдержки – и он готов. Две варки в месяц по тонне пива. Оборачиваемость отменная. А стаут выдерживать минимум три месяца надо. Емкости дополнительные понадобятся, капиталовложения…

– Мы обеспечим вложения.

– А выхлоп нулевой выйдет. И смысл?

– Расширяйся, – предложил Денис. – Мы одну точку на Южном бульваре выкупаем, закупки увеличим.

– Не интересно, – покачал я головой. – Денис, ты же знаешь, я по сырью целиком и полностью от поставок из Североречeнска завишу. Хмель, солод, пшеница – все оттуда идет. Четыре центнера в месяц – это еще куда ни шло, а запрошу больше – повысят цену или вовсе кислород перекроют. И вы со всеми своими связями ничего с этим поделать не сможете. Плюс людей дополнительно нанимать и за аренду платить: подвал полностью заставлен. В итоге получается, что работать я стану в два раза больше, но за те же деньги. И смысл?

– А…

– Нет, – отрезал я. – «Западный полюс» я без пива не оставлю. У нас долгосрочный договор.

– Что за человек ты такой, Хмель? – кисло глянул на меня Селин. – Как угорь изворотливый. И ведь знаю точно, что лапшу на уши вешаешь, а не подкопаешься.

– И не надо.

– Тащи еще бутылку, – махнул рукой Денис, снял дубленку и кинул на соседний стул. – Но если что – имей нас в виду. Предложение об инвестициях в силе.

– Хорошо, – кивнул я и отправился за пивом.

Вновь наполнил бокал гостя, потом достал из-под прилавка бутыль с настоянным на травах самогоном и набулькал две стопки, себе и Денису.

– Не будь ты таким упертым ослом, Хмель, – вздохнул Селин, – мы бы весь Форт пивом снабжали!

– Мочой, – поправил я собеседника.

– Как сказал один римский император по схожему поводу: «Деньги не пахнут», – возразил Денис и в несколько глотков осушил бокал с пивом.

– Предпочту остаться при своих, – заявил я и взял стопку.

Мы чокнулись и выпили.

– Вот и виски ты не ставишь, – укорил меня Селин, шумно выдохнул и потряс головой. – Крепкий, зараза!

– Все эти виски и коньяки – от лукавого, – поморщился я. – Ты не представляешь, сколько там спирта в процессе выдержки впустую испаряется!

– Крохобор, – фыркнул Денис и взял со стула дубленку.

Вновь распахнулась дверь, с улицы зашел краснолицый товарищ, крепостью сложения под стать Селину, только выше его на голову и с еще более вызывающе выпирающим из-под армейского полушубка животом.

Александр Ермолов, глава всея пограничной службы и цельный подполковник.

– Здоров, Денис! – обрадовался он при виде Дениса.

– Привет, Шурик!

Они обнялись и по-приятельски похлопали друг друга по спине.

– Лысое чудовище не появлялось? – спросил после этого Селин.

– С того лета ни слуху ни духу, – ответил Ермолов. – Но я своим на границу циркуляр спустил, если объявится – маякнут.

Денис подавился смешком и покачал головой:

– Насмешил. До слез, блин! Думаешь, он через пост пойдет?

– А почему нет? – развел руками Ермолов и демонстративно потер костяшками пальцев петлицу с тремя шпалами. – Претензий к нему нет…

– Очень сомневаюсь, – покачал головой Селин, махнул мне на прощанье рукой: – Бывай, Хмель! – и вышел за дверь. Не стал даже шапку надевать, благо идти отсюда до «Ширли-Муры» было от силы пару минут. Требовалось просто перейти через Красный проспект и немного подняться по нему вверх.

– Че стоим, кого ждем? – навалился тогда Ермолов на стойку. – Наливай, Хмель!

Я тяжело вздохнул и вытащил из-под прилавка бутыль с самогоном.

– Вздрогнем! – выдохнул пограничник и влил в себя настойку.

Выпил и я.

– Как обычно, темного крепкого? – спросил после этого, пряча бутылку.

– Ящик, – кивнул Ермолов.

Я сходил в холодную комнату и вынес картонную коробку с дюжиной пол-литровых бутылок русского имперского стаута. Впрочем, с Россией это пиво связывала лишь красивая легенда, а приставкой «имперский» оно было обязано исключительно высокой плотности. Обычный стаут, двойной, имперский… Как-то так.

Такой стаут я варил исключительно под заказ. Ну и для себя немного.

– Чек на неделе пришлю, – предупредил Ермолов, забирая пиво. – Идет?

– Не вопрос, – кивнул я. – А бутылки?

– Старые? – озадачился глава погранслужбы. – Позавчера с нарочным отправлял.

– Секунду! – Я раскрыл гроссбух, отыскал сделанную Грачевым отметку о приеме двенадцати бутылок и кивнул: – Порядок.

– У нас все четко! – рассмеялся Ермолов и поднял со стойки увесистую коробку.

Я прошел к двери и открыл ее, выпуская покупателя на улицу.

Перед самым крыльцом стоял внедорожник УАЗ «Хантер»; он был выкрашен серо-белыми разводами городского камуфляжа и оттого в утренних потемках походил на кучу подтаявшего снега. Рядом переминались с ноги на ногу двое пограничников, с автоматами и в разгрузках.

– Серьезная охрана.

– Статус обязывает, – вздохнул Ермолов, шагнув через порог.

Он спустился с крыльца и вместе с коробкой пива забрался на широкое заднее сиденье; я прикрыл дверь и вернулся за прилавок.

Утро! Я люблю утро, тишину и спокойствие, но в баре это товар нечастый.

Только отметил в гроссбухе отпуск пива, как появился Иван Грачев.

– Здрасте, дядя Слава! – поприветствовал меня помощник, расстегивая синюю «аляску». – Как оно ваше ничего? Какие планы?

– Оставайся за старшего, – сообщил я. – Пойду пиво варить.

– Помочь? – спросил Ваня, выдернул из мишени дротики, отступил и один за другим метнул их обратно в доску.

– Позову дробнину выгребать, – предупредил я помощника и спустился в подвал, где была оборудована пивоварня.

Надо сказать, с домом мне повезло. Кирпичный особняк располагался в непосредственной близости от Красного проспекта, с крыльца даже был виден перекресток, но при этом задним двором выходил он на заброшенный район и потому особого интереса у торгового люда никогда не вызывал. После переноса города в Приграничье здесь какое-то время обитали бандиты, затем квартировала рота дальней разведки Патруля, а когда ее со скандалом расформировали, здание начали долго и муторно продавать. Я выкупил половину и был уверен, что соседей в обозримом будущем не появится, но год назад один оборотистый товарищ открыл во второй части особняка оружейный магазин.

Оно и к лучшему: одному за домом следить было достаточно накладно. Да и ладили мы с Николаем Гордеевым по прозвищу Клондайк неплохо, благо общих знакомых хватало. Кроме того, Николай, как и я, работал с Сергеем Платоновым, и тот факт, что сотрудничество это афишировать не следовало, нас только сближал.

Подвал в особняке был добротным, с высокими сводчатыми потолками и дощатым полом. В первом помещении были установлены варочный котел, фильтровально-заторный чан и бак для промывочной воды, соединенные между собой через насос для высокотемпературных жидкостей шлангами из нержавейки. Такой же шланг через охладительную систему уходил в смежную комнату, где стояли сужающиеся книзу стальные танки для брожения. Там же уместились пластиковые баки поменьше, в них дозревали «эксклюзивные» и экспериментальные партии пива. Проход закрывала массивная деревянная дверь, подбитая для сохранения нужного температурного режима резиной. Здесь было жарко, там – прохладно.

Огонь в печурке под котлом уже едва трепетал; я проверил температуру воды и начал засыпать в нее молотый солод. Пока перетаскал без малого два центнера – аж упрел. После этого приладил на место крышку и запустил стоявший в углу электрогенератор, выхлопные газы от которого уходили по прокинутому через отдушину резиновому шлангу на улицу. Обошелся генератор совсем недешево, да и солярка денег стоила, зато не приходилось надрываться, размешивая затор вручную, и самолично качать помпу, перекачивая сусло. Да и вытяжка лишней вовсе не была.

Механизация!

Генератор негромко заурчал, и сразу вздрогнул электродвигатель, начали вращаться опущенные внутрь бака лопасти.

Все, процесс пошел; теперь остается только за температурой следить. Впрочем, технология отработана, вмешиваться, скорее всего, не придется.

Закинув угля в топку под варочным котлом, я засек время и начал вытаскивать из подвала пустые алюминиевые фляги. Воду приходилось заказывать из-под Старой Мельницы: источникам внутри городских стен я не доверял. И сам собственный продукт употребляю, и людей отравить не хочется. За такое и к стенке поставить могут. Здесь в санэпидстанции чистые звери работают.

Пока возился с флягами и подметал разлетевшуюся всюду при помоле солода пыль, уже и время подошло. Я поднялся в бар, по-прежнему пустой, уселся за стойку и окликнул помощника:

– Вань, пора фильтровать и дробнину выгребать. Сам справишься?

– Не вопрос, – подтвердил тот. – Хмель сразу засыпать или подождать, пока закипит?

– Сыпь сразу, пакеты на столе лежат. Там подписано.

– Хорошо.

Помощник спустился в подвал, а я сходил в холодную комнату с продуктами, сделал себе пару бутербродов и вернулся за стойку. Но только с кухоньки раздался свист закипевшего чайника, как вновь распахнулась входная дверь. Вот и позавтракал.

Высокий плечистый мужчина средних лет стянул с головы шапку, пригладил ладонью короткие русые волосы с проседью и шумно потянул носом воздух.

– Слав, опять варишь? – спросил Николай Гордеев, он же Клондайк, он же мой сосед и совладелец особняка.

Я принюхался к давно ставшему привычным запаху и рассмеялся:

– Завтра перловку для стаута жечь буду.

– Завтра меня в Форте не будет, – махнул рукой Николай. – Так что жги, Слав, не стесняйся никого. Дом только не спали.

– Да уж постараюсь, – пообещал я и спросил: – Завтракать будешь?

– Нет, – качнул головой сосед, – я чего зашел: отъеду на пару дней, лады? Объявление повешу, чтобы к тебе обращались насчет время там назначить или что. Хорошо?

– Да не вопрос. Пусть заходят, мне же клиентов больше. А если звонить будут, – кивнул я на дисковый телефонный аппарат на другом краю стойки, – в баре всегда кто-нибудь есть. Ответят, своих предупрежу.

– Вот и ладненько! – Николай пожал мне на прощанье руку и отправился по делам.

Тогда я со спокойной совестью налил себе чаю и позавтракал, а потом в бар поднялся взмыленный Иван.

– Сделал, – сообщил он.

– Все, остаешься на хозяйстве, – объявил я, – как с пивом закончу, поеду за продуктами.

– Список не забудь! – напомнил помощник и протянул исписанный убористым почерком поварихи листок.

Я сунул перечень в один из многочисленных карманов штанов и спустился в подвал. Запах внизу изменился, стал более острым – теперь в нем явственно проступал аромат хмеля. Сусло закипело, и вытяжка с возросшей нагрузкой справлялась вовсе не лучшим образом. Стало жарко.

Расстегнув ворот фланелевой рубашки, я засек время и отодвинул засов угольного люка. Распахнул его – в лицо посыпался снег.

Черт! Не сообразил почистить с улицы.

В подвал клубами пара ворвался морозный воздух; я не стал возвращаться за курткой и по узенькой деревянной лесенке выбрался во двор. Отпер каретный сарай, выбрав нужный ключ на связке, уловил непонятное давление, мысленно проговорил кодовую фразу – и охранное заклинание уснуло, снятое до следующего раза.

Не терплю всей этой чертовщины, но лучше на нормальную охрану потратиться, чем после грабителей порядок наводить. Магия иной раз весьма и весьма жизнь упрощает; если не сказать – продляет.

В каретном сарае стоял мой железный конь – неброской серой расцветки УАЗ-«буханка» с глухой кабиной, вместо окон в задней части которой были бойницы, закрытые железными шторками на манер инкассаторских машин. Я завел двигатель, подогнал автомобиль задом к угольному люку и оставил прогреваться. Сам спустился вниз, ухватил пакет из-под мусора с дробниной и поволок его наверх.

Дробленый солод после затирания – это та же самая каша, но людям ее не предложишь, а вот свиньям или уткам – в самый раз. Этим и пользуюсь.

В подвале я накинул короткую теплую куртку, ухватил следующий мешок и поволок его во двор. Пока носил в машину дробнину, подошло время добавления второй порции хмеля. Всыпал содержимое одного из пакетов в кипящее сусло и поднялся в бар.

– Ваня! – окликнул помощника, который в одиночестве скучал за барной стойкой. – Через пятнадцать минут надо будет последний хмель засыпать. Сделаешь или мне задержаться?

– Сделаю. Если что, тетя Маша с посетителями подстрахует.

– Она подошла уже?

– У себя, – кивнул Иван. – Потом еще пятнадцать минут дать покипеть и перекачивать в баки?

– Да. И дрожжи залить не забудь. Только проверь, чтобы температура в норме была. А котел не трогай, сам его вечером вымою. На тебе двор – снег убери.

– Хорошо, сделаю, – пообещал Грачев и не удержался от скептической ухмылки, когда я достал из-под стойки жезл «свинцовых ос».

Нет, иронию помощника вызвало вовсе не наличие в баре оружия само по себе – наличие оружия он одобрял целиком и полностью, – смущал Грачева мой выбор. Сам бы он предпочел

держать под стойкой дробовик, но позиция Дружины в этом отношении была непоколебима: никакого огнестрельного оружия в пределах городских стен. Либо сдавай в Арсенал у ворот, либо ставь чародейскую пломбу, которая при попытке высвободить спусковой крючок пометит и ружье, и его владельца так, что любой колдун почует остаточный фон даже с сотни метров. И здравствуй штрафной отряд…

– Клондайк вон лицензию себе оформил, – многозначительно произнес Иван, начиная давным-давно опостылевший мне разговор.

Наш сосед и в самом деле помимо торговой лицензии через знакомых оформил – читай, купил – разрешение на ношение оружия. Мог бы последовать его примеру и я, но делать этого не стал. Просто не хотел влезать в долги. Ты – мне, я – тебе; у нас только так.

К тому же лично меня жезл «свинцовых ос» устраивал целиком и полностью. От старых гнутых чародеями Братства палок давно осталось одно лишь название, мой жезл напоминал короткую, всего сантиметров сорок длиной, винтовку. Деревянное ложе в компоновке буллпап, удобный приклад, стальной ствол, быстросъемная банка с шарами, присутствовала даже планка Пикатинни и переключатель огня с автоматического на одиночный.

В чем подвох? Без подвоха не обошлось: сертифицированные для продажи в Форте магическое оружие и амулеты обладали одной немаловажной особенностью – они не срабатывали против обладателей служебных блях, посему дружинники могли не опасаться поймать затылком свинцовый шар калибра .375.

Я же с Дружиной воевать не собирался, так помощнику и заявил. Он только плечами пожал и остался при своем мнении:

– Дробовик надежней.

Спорить я не стал и вышел на задний двор, прихватив «Шершень», как называлась эта модель жезла.

Зачем оружие? Странный вопрос. Когда задворки дома выходят на заброшенный район, где в подвалах того и гляди заведется какая-нибудь нечисть или, того хуже – найдут убежище бродяги, без оружия чувствуешь себя не в своей тарелке. Да и некоторые вполне приличные люди по-хорошему не понимают. А у меня бизнес, мне накладки ни к чему.

Именно поэтому я положил «Шершень» на пассажирское сиденье, проверил, на месте ли на совесть заточенная малая пехотная лопатка, и только после этого принялся отскребать от инея лобовое стекло. Потом выгнал УАЗ на улицу и, выдернув ключ из замка зажигания, сходил закрыть ворота.

Нацепленное на палец кольцо с ключами пощекотало кожу непонятным давлением, но к этому давно привык и не обратил никакого внимания. В перекрученной медной проволоке таилось немудреное заклинание, прозванное местными умельцами «Щелчок». В одну сторону покрутишь – ударит несильно, в другую заведешь – может и голову снести. Хитрая штука и, разумеется, сертифицированная. Мне проблемы с законом ни к чему.

Объехав двухэтажный особняк красного кирпича, я притормозил у съезда на Красный проспект, пропустил груженную бочками телегу и повернул направо. Снег ночью не шел, но и так ехать приходилось по намертво смерзшейся колее; благо транспорта на дороге было мало – лишь изредка попадались сине-белой расцветки машины Дружины, сани и небольшие юркие фургоны наладивших грузовые перевозки коммерсантов.

Красный проспект служил естественной границей между западной частью Форта и центром, и разница между соседними районами здесь проявлялась самым наглядным образом: справа тянулся заброшенный гаражно-строительный кооператив, слева возвышались жилые девятиэтажки. Несмотря на все усилия привлечь людей на запад и Северную окраину, особыми успехами заправлявшая там Лига похвастаться не могла. Люди неохотно перебирались туда, предпочитая селиться на территориях, подконтрольных Дружине. Только район вокруг госпиталя и процветал, если так можно выразиться.

На перекрестке с Южным бульваром я притормозил и пропустил пару затонированных вкруговую внедорожников. Автомобили рыкнули мощными двигателями и покатили к дорогим магазинам и развлекательным заведениям, я тоже задерживаться на пересечении улиц не стал, переехал через бульвар и свернул в частную застройку поселка Луково.

Затянутое облаками серое небо нависало над крышами одноэтажных бараков и высокими мансардами коттеджей, из многочисленных печных труб к нему тянулись стойки дыма. Дорога окончательно превратилась в две накатанные в глубоком снегу колеи, но я ехал привычным маршрутом и потому нисколько не волновался. Свернул раз, другой – и вскоре притормозил перед высокими воротами добротного бревенчатого особняка.

Дом напротив выглядел нежилым, но стоило только «буханке» остановиться, как занавески на одном из его окон колыхнулись и за серебром инея мелькнуло чье-то лицо. Я на это никакого внимания не обратил, спокойно выбрался из кабины и несколько раз ударил железным кольцом о дверь калитки.

Вскоре послышался скрип снега, дверь распахнулась, и на меня настороженно глянул невысокий, крепкого сложения мужичок в тулупе, шапке-ушанке и собачьих унтах. С плеча его свешивался гладкоствольный карабин двенадцатого калибра «Сайга», из-за голенища торчала рукоять солидных размеров ножа.

– Ты один? – спросил Семен Лымарь, подвизавшийся при хозяине кем-то вроде охранника.

– Нет, блин, десяток нелегалов в кузов забил! – хмыкнул я. – Один, разумеется!

– Заезжай, – разрешил тогда Лымарь и распахнул ворота.

Я загнал автомобиль во двор, и сразу в сени вышел бородатый дядька лет шестидесяти.

– Слава! – радушно поприветствовал он меня. – Свинки тебя заждались!

– Виктор Петрович! – развел я руками. – Рад видеть вас в добром здравии!

– Проходи, Слава, проходи, – позвал меня дядька в сени и спросил Лымаря: – Спокойно все?

Семен выглянул на улицу, закинул ружье за спину и подтвердил:

– Спокойно.

– Тогда выгружай.

Лымарь начал выволакивать из УАЗа мешки с дробниной и таскать их в сарай, на обратном пути он переносил к машине коробки с куриным яйцом, пакеты с уже разделанным кабанчиком, домашними сосисками и колбасками. Сотрудничество с хозяином у нас было взаимовыгодным в полном смысле этого слова.

В сенях я достал из кармана куртки узелок и выставил на подоконник стопку увесистых «соболей» – серебряных монет весом тридцать один грамм каждая.

Виктор Петрович придирчиво осмотрел трехрублевки и даже провел над ними чарофоном – универсальным магическим прибором, вставленным в корпус обычного мобильного телефона, – и увиденным остался доволен.

– Порядок, – пробурчал он, закуривая вонючую папиросу, из-за которых его борода давно приобрела непередаваемый желтовато-коричневый оттенок. – Семен, давай к нам!

Лымарь скрылся в сарае и следующую картонную коробку занес уже в сени.

– Проверяй! – раскрыл он ее, выставив на подоконник.

Внутри оказались блистеры с таблетками, наполненные разными хитрыми препаратами одноразовые шприцы и пузырьки с разноцветными пилюлями. Это уже мне.

– Все по списку? – уточнил я.

– Все по списку, – подтвердил Виктор Петрович.

– Вот и отлично! – Я закрыл коробку и сунул ее под мышку. – Семен, завтра-послезавтра подходи за новым перечнем.

– Заметано, – кивнул Лымарь.

Я распрощался с хозяином дома и вернулся в машину. Когда Семен открыл ворота, помахал ему на прощанье рукой и вывел УАЗ на улицу.

Уже говорил, что у нас взаимовыгодное сотрудничество? Все верно. Так оно и есть.

Господин Бородулин заведовал лабораторией на промзоне и варил для Гимназии какую-то совсем уж убойную химию, но денег много не бывает, и под мою личную гарантию, что его продукция не засветится в Форте, Виктор Петрович поставлял лекарства, которые сохраняли бóльшую часть своих целебных свойств и в нормальном мире. Переправлять их туда было заботой моего компаньона Сергея Платонова – кондуктора, способного переходить через границу и таскать туда-обратно всякие полезные штуки.

Вылечить неизлечимую болезнь за курс из десяти инъекций дорогого стоит, а люди не имеют привычки скупиться, когда речь идет об их здоровье. Особенно люди состоятельные. Никаких страховых компаний и полисов – только наличные. И даже так очередь была расписана на несколько месяцев вперед.

Возможно, это нас и подвело. Я вспомнил о прошлогодней попытке покушения на Платона и помрачнел. Пусть уже год прошел и кондуктор уверился, что груз хотели забрать случайные люди, я об осторожности забывать не собирался. Вычислили один раз – вычислят другой.

Впрочем, утечка информации случилась точно не с моей стороны. Платон ничего не знал о Викторе Петровиче, а Виктор Петрович понятия не имел, кто такой Платон. В таком положении вещей и раньше был определенный смысл – ведь деловые люди ничего так не любят, как избавляться от посредников, а теперь это, вполне возможно, стало залогом моей безопасности. Отступаться от заведенных правил я не собирался.

Вновь колыхнулись занавески в доме напротив, но я по этому поводу нисколько не обеспокоился. Гимназисты хоть и приставили к ценному кадру круглосуточную охрану, но мои визиты сюда имели железную легенду: пивовар меняет отходы производства на яйца и мясо, – ну кто заподозрит в этом подвох? Тем более что хозяйство Бородулины вели с размахом и закупали корма вовсе не у меня одного.

В обратный путь я отправился другой дорогой и выехал из поселка неподалеку от бывшей учебной части Братства, ныне перестроенной под общежитие китайской общины. На Южном бульваре повернул налево и почти сразу вырулил на парковку перед длинным ангаром Колхозного рынка – одной из немногих точек, которые продолжило контролировать Братство после своего переезда в Туманный.

УАЗ вместился на свободном месте между разбитой вазовской «четверкой» и перекосившейся на одну сторону «газелью», а я прихватил с собой полученную от химика коробку и отправился на рынок.

Двое охранников у входа на меня даже не взглянули. В одинаковых касках с теплыми подшлемниками, ватниках и длинных бронежилетах, с футуристического вида чарометами наперевес и короткими мечами на боках, они казались актерами из малобюджетного фантастического боевика, но недооценивать их боевых качеств ни в коем случае не стоило – воздух вокруг боевиков Братства так и дрожал от переполнявшей снаряжение магии.

Я прошел внутрь, но к торговым рядам сворачивать не стал и направился сразу в административный блок, где располагались павильоны с промышленными товарами. Торговая точка Платонова располагалась на втором этаже, там он выставлял на продажу охотничью и спортивную одежду, которую для него за бесценок по здешним меркам скупали на распродажах где-то на Аляске.

Продукция ушлого коммерсанта пользовалась постоянным спросом, торговля шла ходко, и как-то незаметно обычное прикрытие стало обеспечивать кондуктору вполне достойный доход. Но самолично он давно уже за прилавком не стоял, выбирался на место, лишь когда привозил товар или возникала особая необходимость. Как, например, сегодня.

– О, какие люди! – обрадовался моему появлению высокий плечистый парень с короткой русой бородкой, которая нисколько его не старила – наоборот, лишь подчеркивала невеликие годы. – Вячеслав Владимирович, не проходите мимо!

– А я и не прохожу! – рассмеялся я, заходя в салон с многочисленными вешалками с зимней одеждой и полками со свитерами и теплыми ботинками. Выставил коробку на прилавок и объявил: – Как и договаривались, пиво принес.

Серега Платонов повернулся к худощавому мужичку лет сорока на вид, который был у него на подхвате, и попросил:

– Дмитрий! Не в службу, а в дружбу – сходи за кофе.

– Черный или с молоком? – только и уточнил у меня Дмитрий.

– С молоком, – решил я, а как только тот вышел в коридор, напомнил кондуктору: – Пиво забирай.

Платонов покачал головой.

– Слав, ты понимаешь, я ведь из Форта завтра по делам уеду. Испортится оно. Подержи у себя. Вернусь – заберу.

Я просто опешил.

– Платон, ты чего несешь? – прошипел, нависая над прилавком. – Забирай товар!

– Слава, успокойся! – столь же тихо выдохнул в ответ кондуктор. – Накладка вышла. Я туда в этот раз ненадолго, возьму оружие – и сразу обратно. Нашими делами в следующий раз займусь. По времени уложимся нормально.

– Точно?

– Абсолютно. Подержи у себя, а я на неделе заскочу и заберу.

Вернулся Дмитрий, выставил на прилавок два стаканчика с кофе.

Я нервно отпил и поморщился. Ситуация не нравилась мне категорически.

– Слав, да ничего с твоим пивом не будет! – расплылся Серега Платонов в беспечной улыбке и достал из-под прилавка обувную коробку с надписью «Merrell» на боку. – Лучше смотри, какие я тебе ботинки придержал! Фирма!

Коробка весила не меньше пяти килограмм, но я никак этого не выдал, осторожно поставил ее на прилавок и пробурчал:

– Дома посмотрю.

– Посмотри, – вновь улыбнулся Платон.

– Сергей, а давайте пройдемся до машины, – предложил я тогда.

– Могу помочь, – вызвался Дмитрий, но кондуктор только похлопал его по плечу.

– Не стоит. Присмотри лучше за товаром, пока Света с обеда не подошла.

Я взял коробку с медикаментами, а Платон с обувью, и мы зашагали к лестнице.

– Предупреждать надо, – выговорил я кондуктору, когда мы спустились на первый этаж. – Не мог позвонить, что ли?

– Ну извини, Слава, не подумал. Мой просчет. Хорошо?

– В машине это без присмотра не оставлю, – предупредил я компаньона и сгрузил ему картонную коробку. – Карауль, раз позвонить не удосужился.

Платон хмыкнул и выставил свою ношу на широкий подоконник, а я достал список стряпухи и отправился за покупками на продуктовые ряды. Но перед этим заглянул в офис охраны.

– Климов у себя? – спросил у скучавшего на входе охранника.

Молодой брат в полной боевой выкладке с сомнением оглядел меня и кивнул:

– У себя.

– Вот и отлично. – И я прошел в кабинет начальника охраны рынка, стены которого были сплошь завешаны разнообразными образчиками холодного оружия. В основном явными самоделками, практичными, надежными и острыми.

Невысокий худощавый парень лет на пять помладше меня, в армейских брюках и поношенном «турецком» свитере, отвернулся от окна, поставил на стол стакан с чаем и протянул широченную ладонь:

– Привет, Слава! Тебя как пропустили?

– Примелькался, наверное, – усмехнулся я, пожав руку. – Все готово?

– Даже чаю не попьешь? – удивился брат.

Я досадливо поморщился.

– Слушай, товар скоропортящийся подкинули, надо домой везти. Заходи как-нибудь, пива лучше выпьем.

Климов кивнул:

– Зайду, – и вытащил из-под стола матерчатый мешок со сделанной черным маркером надписью «Солод» на боку. – Забирай.

Я поднял с пола тяжеленный пакет, взвалил его на плечо и зашагал на выход.

– Что по деньгам? – окликнул меня Клим.

– Заходи, решим.

С мешком к Платону я возвращаться не стал и для начала оттащил его в УАЗ. Закинул в кабину и поспешил обратно. Морозный воздух обжег неприятным холодом, пришлось даже накинуть капюшон.

Затем я быстро пробежался по продуктовым рядам, набил провизией для бара пару сумок и, позвав за собой кондуктора, направился на выход.

– У тебя все спокойно? – спросил, отпирая УАЗ.

– Да, а почему спрашиваешь? – удивился Серега Платонов.

– Не люблю, когда планы меняются.

– Все путем. Все идет по плану.

Я уселся за руль, переставил коробки на пассажирское сиденье и попросил:

– Не затягивай с этим.

– Не сомневайся, – кивнул Платон, захлопнул дверцу и отсалютовал мне открытой ладонью.

Я кивнул в ответ, завел двигатель и поехал домой. По дороге то и дело посматривал в зеркала заднего вида, и хоть слежки за собой не заметил, сердце было не на месте. Поэтому из кабины перед воротами выбрался с «Шершнем» на изготовку. Но нет – никого.

Тогда запер дверцу – блин, у меня в машине товара на пару тысяч золотом! – и принялся возиться с воротами. Распахнул створки, вернулся к автомобилю и поспешно загнал его во двор. Столь же быстро закрыл ворота, схватил ящик с медикаментами и обувную коробку Платона и прошел в бар через заднюю дверь.

Все столы оказались заняты, но я все же бросил ключи от машины Ивану и попросил:

– Ваня! Как освободишься, выгрузи продукты. – А сам с коробками отправился в подвал.

К этому времени огонь под чаном уже погас, сусло через охлаждающую систему перекачали в баки для брожения, сильно пахло замоченным солодом и хмелем. Я запер за собой дверь, потом надавил на один из кирпичей и навалился на стеллаж. Тот мягко подался и сдвинулся в сторону, освобождая проход в небольшую комнатушку с механическим прессом, парой ванн и бутылями с химическими реагентами.

Я убрал коробки на пол и вернул стеллаж на место.

Иметь собственную пивоварню – это замечательно, но никогда не следует забывать о дополнительном приработке. Правда, иной раз дополнительный источник дохода может стать основным.

Тут я вспомнил о полученном от Климова мешке, выругался и побежал наверх.

– Вань, дай ключи, – попросил помощника.

– Нормально, сам продукты унесу.

– Да мне там забрать надо, – махнул я рукой, схватил ключи и выскочил на улицу.

Никакие лиходеи за это время на мою собственность не покусились, мешок оказался на месте. Я взвалил его на плечо, прихватил оставленный на пассажирском сиденье жезл «свинцовых ос» и вернулся в бар.

– Еще солод? – удивился Грачев.

– Несоложенки взял, – пояснил я, бросив ему ключи.

Мешок отнес вниз и уложил у стены, а сверху для надежности накрыл одним из пакетов, лежавших там до того. Конспирация.

После этого со спокойной душой вернулся в бар и встал за стойку. Обеденное время уже закончилось, только за одним столиком пил пиво заместитель заведующего Арсеналом Леонид Смирнов.

– Вань, ты иди продукты пока разбери, – предложил я помощнику и убрал «Шершень» под стойку к его брату-близнецу, имевшему только одно весьма существенное отличие – вместо банки с шарами у него был баллон сжатого воздуха.

Грачев взял ключи и отправился разгружать УАЗ; я повернулся к вставшему из-за стола Смирнову.

– Еще пива?

– Да, Слава, налей светлого, будь любезен.

Я открыл кран и принялся качать помпу, наполняя бокал. Пены почти не было, но люди приходили ко мне пить пиво, а не любоваться пузырьками. Что же до недостатка газов, так вкусы у всех разные, для кого-то пиво без азота – это и не пиво вовсе, а кто-то натуральный продукт предпочитает.

Впрочем, предпочитать люди могли что угодно, особого выбора у них в любом случае не было. Помимо пивоварни в Ключах, местных конкурентов у меня не имелось, торговцы же связываться с пивом не любили и везли водку. А в последнее время так и вовсе спирт, который разбавляли до нужной кондиции уже на месте.

Я принес Смирнову его пиво, забрал пустой бокал и спросил:

– Что-то еще?

Лысоватый невзрачный дядька в заляпанном масляными пятнами камуфляже покачал головой и полез в карман за кошельком.

– Остаток на мой счет запиши, – попросил он, выкладывая на стол золотую пятирублевку царской еще чеканки.

Я забрал монетку, кинул ее в кассу и сделал отметку об остатке в гроссбухе. К постоянным клиентам мы относились со всем почтением, а Смирнов мало того что был завсегдатаем, так еще периодически вел дела с Николаем Гордеевым. Нужный человек.

Заглянул Иван, спросил:

– Дядь Слав, может, пока чан почистить?

– Иди, – разрешил я, а сам, пользуясь отсутствием клиентов, заглянул на кухню и попросил повариху сварить порцию пельменей. С самого утра маковой росинки во рту не было.

Смирнов вскоре допил пиво и ушел, за окном рыкнул и постепенно затих двигатель его рыдвана. Бар опустел.

Все, у меня обеденный перерыв. До вечера вряд ли кто зайдет, если только заказ забрать.

Я задумался, не выпить ли пива, но вместо этого достал термос и налил чаю. Тетя Маша принесла тарелку с пельменями и пару ломтей свежего хлеба, как раз и перекусил. Потом подошел к окну, взглянул через изморозь на улицу и поежился.

На душе было неспокойно.

Всякому посреднику прекрасно известно, что не стоит держать у себя «горячий» товар, и Платон с неожиданным изменением планов изрядно спутал мне карты. Это напрягало.

Я взял оставленные Иваном на стойке ключи от машины, снял с вешалки куртку и заглянул на кухню:

– Мария, покараулите, пока Ваня в подвале возится? Мне по делам отъехать надо.

– Конечно, конечно! – согласилась помочь хлопотавшая у плиты тетенька лет пятидесяти. – Не беспокойся, Слава.

Я накинул на голову капюшон, вышел на улицу, но сразу вернулся и прихватил из-под стойки «Шершень». Потом завел не успевший остыть УАЗ и покатил в банк.

На этот раз на Красном проспекте повернул налево; за домами вспыхнули лучами заходящего солнца далекие купола церкви и окна «Тополей», сверкнул огнями и почти сразу остался позади аляповатый фасад клуба «Ширли-Муры».

На следующем перекрестке я сбросил скорость до минимума, но и так автомобиль протащило по слегка присыпанной снежком ледяной корке, и выстроившиеся к колонке с питьевой водой люди с канистрами и флягами в тележках проводили меня неодобрительными взглядами.

Дальше по правую руку возникло пустое пространство площади Павших с бетонным монументом посредине, по левую – запестрели на стенах разделенных на конторы и офисы пятиэтажек объявления и броские вывески. «Ловец удачи», «Крупы», «Сауны Тимура», «Лунные травы», «Амулеты и талисманы», «Стоматология «Белый клык», «ЧОП «Шестерня».

Время от времени меж пятиэтажек и во дворах мелькали двухэтажные особняки, а потом я оставил позади небольшой блошиный рынок, пересек Кривую и поехал вдоль ограды «Морга» – элитного доходного дома. Здание еще дореволюционной постройки казалось слегка смазанным из-за накрывавшей его магической защиты.

Не доезжая до Торгового угла, я припарковал УАЗ перед пятиэтажкой с вывеской «Центральный городской банк»; перед входом стоял рекламный щит: «Сейфовые ячейки, векселя, депозиты».

Заперев кабину, я прошел в банк и депонировал в кассе накопившиеся за неделю чеки. Потом заглянул в кабинет к управляющему и выразил желание получить доступ к своей ячейке.

– Господин Хмелев! – расплылся в улыбке банкир. – Одну минуту!

Он вызвал служащего, и тот повел меня в подвал.

– Так и не получили удостоверения личности нового образца? – спросил внизу дежурный колдун.

– Нет.

Гимназист покачал головой, провел вдоль меня жезлом с шаром из горного хрусталя в навершии и посторонился от перегородившей проход решетки.

Тогда я приложил ладонь к магическому сканеру, и сразу загорелся зеленый огонек, щелкнул замок.

– А как же машину водите? – удивился банковский служащий, распахивая решетку.

– Без прав, – с печальным вздохом поведал я, проходя в хранилище.

На дверце моей сейфовой ячейки мигал зеленый огонек; прежде чем замок вновь оказался заблокирован, я вставил в него ключ и приложил к стальному кругляшу большой палец свободной руки. Считавшая ауру и отпечаток система колдовской защиты позволила отпереть замок; я вытащил из ящика стальную коробку и унес ее в соседнее помещение. По протоколу безопасности банковские служащие не оставляли клиентов в хранилище без присмотра и правильно делали. Мне вовсе не хотелось лишиться своего имущества по милости сумевшего обмануть охранное заклинание ловкача.

Оставшись в одиночестве, я отпер железный ящик и откинул его крышку. Ничего особо ценного внутри не хранилось – немного наличных на черный день, три разряженных амулета, общероссийский паспорт да картонная коробка с парой металлических штампов – и все же

ежемесячная арендная плата вовсе не была пустой тратой денег. На охрану некоторых вещей проще потратиться, нежели восстанавливать их в случае утраты.

Сунув картонную коробку со штампами в карман куртки, я захлопнул крышку, вернул стальной ящик в ячейку и запер ее на ключ.

Банковский служащий уточнил:

– Вы закончили? – дождался утвердительного ответа и повел меня наверх по лестнице, бетонные стены которой покрывала непонятная и очень сложная роспись.

Понятия не имею, какие именно заклинания вложили в светящиеся символы гимназисты. Способностей к колдовству в свое время у меня не обнаружилось ни малейших, и если начистоту, я этому был только рад. Колдуны и маги, ведьмы и чародеи обладали множеством недоступных обычному человеку способностей, да только одно немаловажное обстоятельство сводило все их преимущества на нет: вернуться в нормальный мир им было не суждено. Они этого не могли, а я пусть и чисто теоретически, но все же мог и потому посматривал на всю эту колдовскую братию несколько даже свысока. Свобода выбора – великая вещь.

Наверху я распрощался с банковским служащим и вышел на крыльцо. Встал у машины, покрутил в руке кольцо с ключами, оглядел улицу. Не заметил ничего подозрительного, отпер кабину и быстро забрался внутрь.

Под вечер с неба посыпал легонький снежок, снежинки падали на теплое стекло и тут же таяли, покрывая его мелкими капельками воды. Я завел двигатель и под размеренное шуршание дворников поехал домой.

Людей к этому времени в баре прибавилось, было занято два стола, а кто-то из молодых устроился за стойкой и болтал с Грачевым.

– Вань, буду перловку жарить, меня не беспокой, – предупредил я.

– Так завтра же собирались? – удивился помощник.

– Планы изменились, – вздохнул я и спустился в подвал. Запер за собой дверь, достал из кармана картонную коробку, куртку кинул на стул.

Жарить перловку, которую использовал при варке стаутов вместо жженого ячменя, я и в самом деле собирался лишь завтра, собирался, но передумал – слишком уж неспокойно стало на душе после разговора с Платоном. С лекарствами ничего поделать сейчас было нельзя – даже в банк из-за колдовской проверки на входе не отнести, – но оставалась еще полученная у кондуктора коробка. Чем раньше избавлюсь от ее содержимого, тем лучше.

Впрочем, «избавлюсь» – не то слово. Совсем не то.

Я разжег огонь, достал из кармана штанов выкидной нож Microtech Halo и выщелкнул длинный клинок. Тоже привет из прошлого; здесь подобные игрушки не в чести, здесь все гораздо брутальней.

Вспоров пакет с перловкой, я рассыпал ее по противню и сунул железный лист в печь. После этого включил вытяжку и сдвинул стеллаж, освобождая проход в потайную комнатушку. Кинул коробку со штампами на пресс, проверил реактивы. Все оказалось на месте.

Понемногу в подвале начал распространяться запах паленой перловки, я нацепил на лицо маску промышленного респиратора с хитрыми алхимическими фильтрами и вскрыл полученную от Платона коробку. Внутри оказались серые бруски металлического сплава. Свинец, сурьма и кое-что еще. Кое-что, да…

Бруски легко уместились в одной из ванночек, после этого я взял бутыль с наклейкой «HNO_3 – 30 %» и залил металл тридцатипроцентным раствором азотной кислоты. Вытяжка с парами не справлялась, и хоть фильтры моего респиратора улавливали оксиды азота, я в комнатушке оставаться не стал и вышел в подвал. Заодно и перловку переворошил.

Дым с противня так и валил, запах гари легко перекрывал вонь химических реактивов. Когда сплав свинца и сурьмы полностью растворился, я начал медленно и осторожно доливать

в ванночку соляную кислоту. Дождался выпадения осадка и зажег газовую горелку. До кипения раствор доводить не требовалось, просто выдержал его так какое-то время, а потом слил во вторую ванночку. Промыл осадок дистиллированной водой и вновь запалил горелку.

Цинковые коробки из-под патронов были нарублены и ошкурены заранее, поэтому особых приготовлений не понадобилось, просто брал пластинки металла и кидал их в ванночку. После завершения химической реакции даже не стал пытаться выбрать остатки цинка пинцетом, сразу слил воду и добавил соляной кислоты. Дождался, пока прекратится выделение пузырьков, несколько раз промыл остававшийся в ванночке серый порошок дистиллированной водой и лопаткой переложил его в пластиковую банку.

Поставил на весы – без учета тары оказалось триста двадцать граммов чистого продукта.

Продукта? Да нет – серебра.

Триста двадцать грамм серебра.

Немного? В обычном мире – не особо, в Приграничье – совсем даже наоборот.

Триста двадцать грамм – это на местные деньги семнадцать рублей семьдесят восемь копеек серебром или же семьсот одиннадцать рублей двадцать две копейки золотом. Семьсот одиннадцать рублей золотом буквально из воздуха; себестоимость восстановления благородного металла из сплава и его закупочная стоимость в обычном мире по сравнению с прибылью от реализации могли просто не приниматься в расчет.

В Форте средняя заработная плата составляла хорошо если полсотни, а тут полторы тысячи в месяц на двоих. Неплохо? Я бы сказал – очень даже хорошо. Но небезопасно.

Дело было вовсе не в возможных осложнениях при работе с кислотами: опасной была сама схема. Серебро в Приграничье традиционно стоило дороже золота, за сто грамм серебра давали сто семьдесят пять грамм золота. Но *с той стороны* целенаправленно серебро не везли, несмотря даже на то, что, помимо всего прочего, оно входило в состав большинства алхимических и чародейских расходных материалов. По словам Платона, если взять с собой слишком много серебра, *окно* просто схлопнется, поэтому наученные горьким опытом кондукторы предпочитали не рисковать.

Платон был исключением. Но он вез не чистое серебро, а серебро в сплаве с сурьмой и свинцом и благодаря своему ноу-хау вез гораздо больше, чем полагалось возможным. Он вез – я восстанавливал.

Деньги делили пополам, ведь мало было восстановить серебро – требовалось запустить его в оборот. Ты можешь без проблем сбыть слиток серебра раз или два, если не станешь жадничать, сможешь понемногу приторговывать полгода или даже год, но рано или поздно кто-нибудь внимательный задаст резонный вопрос: «Откуда, брат?» И хоть не будет раскаленных утюгов или паяльников, ответить придется, и придется ответить правду. И тогда в лучшем случае ты продолжишь работать на дядю за малую копеечку, а скорее всего – оттаешь весной в каком-нибудь грязном сугробе. Серебро – это серьезно.

Именно поэтому я им не торговал. Я переплавлял порошок в слитки и чеканил серебряные трехрублевки – те самые «соболя». Ничего особо сложного в этом не было, вся моя ценность для Платона заключалась в том, что у меня были штампы, а у него их не было.

В очередной раз переворошив перловку на противне, я переставил газовую горелку под тигель и достал из картонной коробки штампы, намереваясь установить их в пресс, но прежде чем успел это сделать, в дверь постучали.

– Дядя Слава! – прокричал Иван Грачев. – Из госпиталя звонят!

Я оттянул с лица респиратор и раздраженно ответил:

– Пусть на трубке висят! Сейчас поднимусь!

Из госпиталя мог звонить только лечащий врач, поэтому я закрыл коробку с серебряным порошком герметичной крышкой, погасил горелку и вернул на место стеллаж, закрыв проход

в потайной закуток. Затем снял с огня противень, выключил вытяжку и уже без респиратора выбежал из задымленного помещения. Запирать подвал на этот раз не стал.

Когда поднялся в бар, Иван разносил пиво, снятая трубка лежала на стойке рядом с телефонным аппаратом. Поднял ее и осторожно произнес:

– Алло?

– Слава? – послышался женский голос. – Я через час заканчиваю, встретишь меня?

– Разумеется, Ирина Сергеевна, – улыбнулся я. – Сходим куда-нибудь?

– Домой, – отрезала девушка. – Приготовлю что-нибудь на ужин, а потом завалимся спать! На работу с утра.

– Решено. – Я взглянул на часы и объявил: – Через час у тебя.

– Буду ждать.

Раздались короткие гудки, я подозвал Ивана и предупредил:

– Бар сегодня на тебе. Завтра можешь прийти попозже. Хорошо?

– Не вопрос.

Я хлопнул здоровяка по плечу и поднялся на второй этаж. Отпер дверь, неким наитием уловил призрачное давление и проговорил кодовую фразу. Защитное заклинание отключилось – тогда уже прошел в свои апартаменты. Комната, спальня, закуток бывшей ванной.

Еще две комнаты выходили окнами на другую сторону; их я не использовал, оставив на случай, если вдруг решится переехать Ирина. Но та снимала квартиру прямо напротив городского госпиталя, где работала, и вовсе не горела желанием менять место жительства. Да я и не настаивал – ведь в этом случае пришлось бы возить ее на работу. От прогулок по заброшенному району иной раз становилось не по себе даже мне.

Пройдя в комнату, я бросил на диван пропахшую дымом фланелевую рубаху, достал из платяного шкафа точно такую же, только чистую, и поднял лакированную крышку массивной радиолы. От старинного аппарата остались только стенки, внутри стояли бутылки.

Взял одну с пробкой, залитой синим сургучом, налил в широкий бокал двадцать грамм арманьяка «Делор Экс-О», постоял перед затянутым инеем окном, выпил. По телу немедленно разошлось приятное тепло.

Оставлять недоделанной работу не хотелось, но, честно говоря, я был рад поводу выбраться из дома и хоть немного развеяться. Устал. Да и голова разболелась, несмотря на респиратор.

Сунув в карман штанов коробок с последним набором из семи пилюль, я прицепил на пояс телескопическую дубинку, усиленную кое-какими хитрыми, пусть и нелетальными, заклинаниями. Помимо нее прихватил с собой массивный электрический фонарь со стальной ударной кромкой и парой чрезвычайно полезных заклинаний – «Ультрафиолетом» и «Сверхновой». Первое поражало чувствительных к солнечному свету тварей, второе в несколько секунд сжигало диод, ослепляя яркой вспышкой противника. Паранойя? Да нет, жизнь такая.

Я спустился в бар, незаметно передал Ивану «Шершень», предупредил его:

– Все, ушел, – и направился на выход, попутно здороваясь с завсегдатаями. На выходе натянул на голову вязаную лыжную шапочку, накинул поверх нее капюшон и решительно шагнул в сумрак зимнего вечера.

Середина декабря, солнце ненадолго поднимается над горизонтом и сразу валится обратно, но на улицах светло. Нет, действительно – светло. И фонари у контор и магазинов горят, и снег свою роль играет.

Зима – темное время года? Возможно, в тех благодатных местах, где даже в декабре не устанавливается снежный покров, это и так, а у нас круглые сутки светло. По крайней мере, незамеченным из темноты никто не выскочит, если сам по развалинам шастать не станешь.

Я и не стал. В обход нашего особняка вышел на протоптанную вдоль Красного проспекта дорожку, натянул теплые вязаные перчатки, с внутренней стороны обшитые замшей, и зашагал к госпиталю.

К вечеру заметно похолодало, дыхание вырывалось клубами белого пара, злой морозец прихватывал ноздри. Но людей на улицах хватало. По-прежнему стояла длинная очередь у колонки с питьевой водой, толпились на блошином рынке припозднившиеся покупатели, расходились от офисных пятиэтажек обитатели тамошних контор. Дружинников также хватало. Пока шел, заметил пару автомобилей характерной сине-белой расцветки и три пеших патруля.

Моя Дружина меня бережет? Хм… можно и так сказать.

Дойдя до узенькой дороги, уходящей к Западным воротам, я свернул с Красного проспекта и направился к темневшей вдалеке громаде штаб-квартиры Лиги. Обнесенный высоким забором комплекс зданий бывшей женской тюрьмы заставлял нервно ежиться; приближаться к окружавшему его пустырю не хотелось. Впрочем, этого сейчас и не требовалось.

Когда проходил мимо зала игровых автоматов «Captain F.» – подвыпившая компания на крыльце притихла, но цепляться не стала, и я спокойно свернул во дворы. Там уже никаких темных подворотен не было и в помине: светили фонари, катались с залитой снежной горки дети, стоял у ворот госпиталя фургон с эмблемой отряда самообороны Лиги – нарисованным через трафарет комаром. Образцово-показательный квартал, да и только.

В самом лечебном заведении две крепкого сложения девушки-охранницы в одинаковых кустарных бронежилетах, с деревянными жезлами и пистолетными кобурами на ремнях форменных брюк оглядели меня с головы до ног, не сочли достойным внимания и вернулись к прерванному разговору.

Подходить к регистратуре я не стал, снял шапку, расстегнул куртку и уселся на скамью с обшивкой из дерматина, пестревшей многочисленными ножевыми разрезами. Только посмотрел на часы – и сразу из служебного коридора появилась светловолосая девушка лет тридцати в длинной беличьей шубе с капюшоном, теплых сапогах и меховой шапке.

– Ты пунктуален, – поцеловала она меня в щеку.

– Точно не хочешь никуда сходить? – спросил я, распахнув дверь.

– Не хочу, – подтвердила Ирина. – Пойдем ко мне! Я курицу приготовлю.

– Пойдем.

И мы пошли. Поужинали и занялись тем, чем обычно занимаются на свиданиях взрослые люди, не обремененные моральными обязательствами перед третьими лицами.

Легли спать? Именно. В итоге мы действительно легли спать.

Коля Клондайк. Чуть раньше чем за год до событий

– Вот так, давай, уже лучше. – Я почувствовал чью-то руку у себя на лице.

Кто-то похлопывал меня по щеке, словно настойчиво требуя проснуться.

Полное онемение всего тела. Боли нет, но и не чувствую ничего. Во рту какой-то странный привкус, словно смесь свинца и хвои.

На чем-то мягком лежу вроде как.

Открыть глаза? А почему бы и нет?

Открыл.

Платон, Дмитрий и еще какой-то парень, худой, с редкой бородкой, длинные волосы убраны в хвост. На нем свитер, толстый, с воротником под подбородок… и еще пальцы худые, длинные, как у пианиста, в пальцах какой-то флакон с золотистой жидкостью.

У Дмитрия вид неуверенный и перепуганный. «Дружественный огонь»?

Попробовал глубоко вздохнуть – получилось. Нормально, без особой даже боли.

– На, дыши еще, – сказал худой, сунув флакон под самый нос. – У тебя там крови в легких литра два еще, надо дочистить.

Флакончиком? Ну-ну. Но вообще я этих двух литров как-то не ощущаю. Слабый – да, немного болит в самой середине грудины, но дышу, не хлюпаю.

– Да нормально вроде, – прохрипел я, или скорее даже прокаркал.

Платон с Дмитрием вздохнули хором. Потом Дмитрий сказал, явно смутившись:

– Слышь, Коль, ты извини, что так… я не понял сначала, где кто.

– Ага, я сам не в курсе был, – как-то не очень понятно поддержал его Платон.

– Не в курсе чего?

Платон махнул рукой, явно не горя желанием углубляться в подробности, просто сказал:

– Подвели к нам тех двоих, выходит. Привалить нас хотели, но ты их сам… А Дмитрий не в курсе был, вот и вышло так… не пойми как. Но ты уже в норме, жить будешь, не беспокойся.

Наконец я соизволил обратить внимание на комнату вокруг. Палата больничная? Вроде нет, просто комната в избе, даже стены бревенчатые. Окошки маленькие, изморозью затянутые. На стене в кольце лампа масляная, похоже. Какая-то охотничья «кабина»? По стилю не похоже, как-то все больно по-русски выглядит, американцы даже на Аляске по-другому строят.

А над кроватью коврик на стене, три оленя, спускающиеся к пруду.

– Серьезно? – спросил я, покосившись на коврик.

– Не, а че? – неожиданно хихикнул молодой. – Нормально.

Что-то я с мысли сбился. На коврик.

– Коль, ты не пугайся, – вновь заговорил Платон, – но мы тебя с собой затащили.

Сквозь туман в голове начал пробиваться луч света. Не могу сказать, что к большой радости.

– Куда? – Я очумело вылупился на Платона.

– К нам, – вздохнул он, явно не желая договаривать до конца. – Ну… в Приграничье… Ты в курсе, я же тебе все рассказывал.

Ну да, я в курсе. Еще в курсе про «ниппель». Про туда и оттуда. А я уже там, так?

– И на хрена? – спросил я тихо и даже вкрадчиво.

Прозвучало как-то не очень добро, эмоции сказались. Но Платон не смутился.

– Помирал ты, – вздохнул он. – Там бы мы тебя не спасли, ты уже все был, готовый покойник, считай. Ты две пули схватил в грудь, хорошо хоть не в сердце, насквозь прошли, ну и ты прожил пару минут лишних.

Дмитрий явно вновь смутился и уставился в окно, избегая моего взгляда.

– А здесь?

– А здесь спасли, – опять вступил в разговор тощий. – Здесь можно многое сделать из того, чего нельзя там. Но если не нравится, то можем и добить. – Он усмехнулся и добавил: – Шутка. Типа восстановим статус-кво и все такое. Тебе же все равно где похороненным быть?

– Смешно, – кивнул я осторожно.

– Обхохочешься, – добавил Платон.

– И что теперь? – уточнил я.

– А что теперь? – пожал он плечами. – Машины мы протащили. Две. Твою бросили, а с грузом взяли. Одну должны были эти забрать, – он кивнул куда-то в сторону входной двери, подразумевая убитых, – но ты их в расход вывел, обоих. Ну и забирай себе «шевролет» вместе со всем. Бабки они платили, товар твой – и трофей твой.

– И куда мне с ним?

– А в Форт, – пожал плечами Платон. – Тоже рассказывал.

Вообще-то «рассказывал» – звучит сильно. Рассказывал Платоша как раз немного и очень… явно фильтруя информацию. Ну да, «Форт», я помню. Город северный, который

провалился когда-то куда-то в тартарары. Там Платон и живет. Что там? Холодно, холодней, чем на Аляске, чистый Север, как я понимаю. Якутия какая-то.

– Платон, у меня бизнес в Фэрбэнксе, – напомнил я ему.

– Так у тебя же партнер есть.

– Есть.

Партнер у меня есть, Дюпре, из канадцев. И что теперь? Где река, а где именье? Он там, я здесь, по телефону не звякнешь. Именно так я и спросил.

– Пусть выкупит у тебя долю, – словно с маленьким разговаривая, усмехнулся Платон. – Возьми товаром. Ну а дальше сам разберешься.

Может, и разберусь. Я вообще много раз в жизни со многим разбирался, да и в Фэрбэнксе всего два года прожил. Но вот как-то обычно все планово было, максимум от тяги к смене мест, а вот чтобы так…

– Разберусь, говоришь? – спросил я и закусил нижнюю губу, как обычно делаю, когда размышляю очень глубоко. – Может, и разберусь, это точно. Вставать-то мне уже можно?

Вообще-то я хорошо помню, что в кузове «шеви» лежало, но проверить бы не мешало все же. И «глок» мой где, кстати?

«Глок» на той стороне остался, как выяснилось. Но я о нем потом и не жалел, поскольку… ну, приоритеты тут в оружейном деле другие.

– Не знакомы, кстати, – протянул я руку тощему. – Николай.

– Саня, – представился тот.

– Чародей он, – добавил Платон. – С нами работает.

– Кто?

– Ча-ро-дей, – по слогам повторил Саня. – Чары дею. Вот то, что тебя сюда довезти смогли, где тебе «исцеления» вкололи – это как раз мой амулет сработал, куда я эти самые чары и закачал. Привкус есть во рту?

– Хвоя, – пожевал я губами. – И свинец какой-то вроде.

– Хвоя от «исцеления», а вот свинец… это уже от амулета. У кого как бывает, мог и вообще дерьма привкус быть.

– Я бы дерьма не опознал: не пробовал, – уверил я его.

Чародей. В сказку попал. Нет, что-то тоже слышал, но опять же… я уже объяснял. В сказках оно вообще так, чем дальше – тем ну его на хрен.

Лудино. Село называлось Лудино. А в этом селе был дом, в котором Платон с Саней половину дома снимали. Иногда. И сарай. Хозяевами были там мужик с теткой, оба годам к пятидесяти, одинаково невысокие, коренастые и не слишком разговорчивые, но к гостям своим относились с заметным почтением. Машины стояли во дворе. Желтый брезент в кузове «шеви» всерьез так кровью перемазан, моей. Ну да, туда же меня и закинули.

Как глянул на кровь, так и понял, что не соврал мне Платон. Не мог я выжить за три часа езды до ближайшего города, если столько крови потерял. Наверное, попасть сюда и было единственным выходом. Тогда хорошо, что не бросили, большое, так сказать, за это им человеческое спасибо. Зато живой и бодрый, как новый почти.

А на улице мороз уже вполне всерьез, пришлось куртку застегивать под горло и все равно… не то чтобы совсем тепло стало. Черт, а «выживательская» куртка, которая совсем теплая, в моем «сильверадо» осталась, а сейчас бы как раз пригодилась.

– Поедем – брезент сними, – сказал Платон, наблюдавший за мной с крыльца. – Кровищи больно до хрена, может приманить кого не надо.

– И что с ним делать?

– Или сожги, или отстирай в растворителе, – пожал он плечами. – И ты вообще как? Оклемался?

– Да вроде бы, только жрать хочу зверски.

– Это хорошо, – кивнул он уверенно. – Это ты на поправку прешь скорым ходом, организму калории нужны. Сейчас пройдемся, тут есть где пожрать. Чего-то ты одет легко.

– Это моя вина, что ли? – удивился я такому заявлению.

– Не, я про то, что надо че-то с этим делать, – пояснил он. – Тут сельпо есть, можно тулуп какой-нибудь найти.

– Кредитки принимают? – усмехнулся я.

– Ты как маленький, ей-богу, – развел руками Платон. – Коль, у тебя добра в кузове на мильен по местным ценам. Возьми что попроще, там махнешь и еще с прибылью останешься.

Ну да, ну да… только как-то я все еще не здесь мозгами, ощущение такое, будто то ли сплю, то ли это шутка такая, то ли вообще не знаю что. Торможу сильно покуда.

– Тут стволы на себе носят?

– Тут носят, – кивнул он. – Хотя все очень сложно. А вот в Форте надо бы уже разрешение пробивать. Но это решаемо, у нас все решаемо в этой нелегкой жизни.

Вооружиться надо, значит. На Аляске я без ствола из дома не выходил, просто по привычке, и без утраченного «глока» себя разве что не голым ощущаю.

Быстро осмотрев ящики, нашел нужный, отпер крышку – есть контакт, пластиковые коробки стоймя. Вытащил одну, открыл – на сером поролоне блестящий револьвер из нержавейки. Крупный такой, с барабаном без долов. Покрутил в руке, кивнул, затем в другой ящик полез, за кобурой и патронами.

Пока у машины возился, из дома вышел Дмитрий, полез в кабину «форда».

– Так, мне надо бы тогда ликбез с вами провести, – сказал вдруг Платон, глядя на то, как я прилаживаю кобуру с револьвером «по-аляскински» на грудь. – Тут как бы правила игры другие. Дмитрию я раньше рассказывал, а тебе, Коль, как бы не довелось послушать.

– И что я делаю не так? – осведомился я.

– Да пока все так, но… расскажу, короче. Пошли. Дмитрий, жрать с нами пойдешь?

– Жрать? – задумался тот. – Жрать пойду. Жрать я всегда.

А так и не скажешь, если по комплекции судить.

Я полез в другой ящик, вытащил оттуда помпу «ремингтон» с чехлом, потом, подумав, докинул прямо в чехол две коробки патронов, с пулей и картечью. Товаром будет – надо же с чего-то начинать, верно?

Распахнувшаяся калитка вывела нас на обычную сельскую улицу – дощатые заборы, бревенчатые дома, на подклетях больше, то есть строились тут именно что по-северному. Из труб дым валит, в конце улицы церковь видна – идиллия, в общем. Снег утоптан и уезжен, под ногами скрипит. Где-то собаки брешут, но не здесь, на другой улице.

– Тут место интересное, – с ходу взялся учить Платон. – Территория Форта, но вроде как под контролем Города. Город с Фортом на ножах, но городские здесь тихо сидят в принципе, потому что дорога отсюда одна и отрезать от снабжения труда большого не составит.

– И чего им тогда тут надо?

– Нефть здесь есть. И заводик тут поставили, перерабатывающий. У Форта сил его отбить не хватит, да и рванут его городские, если наши в атаку пойдут. А так тут соглашение о разделе продукции – литр в Форт, литр в Город, и еще литр городским за себестоимость. Вот и получается тут междуцарствие некое. Менты местные, а гарнизон городской.

– А нам это чем грозит?

– Ничем, в принципе, горожане здесь не борзеют, – пожал плечами Платон. – Просто учитывать надо… в поведении. А само Лудино, таким образом, вроде как независимое получается. Они так думают, по крайней мере. И нам нормально с нашими делишками: с тутошней ментовкой договорился – и там хоть трава не расти, никто в твои дела не лезет.

– А кто лезть будет? – уточнил я.

– Да кто только не будет, Коль, – усмехнулся Платон. – У нас тут разгар девяностых, с примесью магии и постапокалиптики. И крышевать все всех рвутся, и долю тянуть, и рынки делить, а все кондукторы давно под Северореченском, к слову. Я один такой, наверное, бесконтрольный. И знаешь почему? Потому что дверь моя здесь. А городские северореченских в эти края на пушечный выстрел не подпускают, ну и я осторожный и с людьми дружу.

– Дружить надо, это точно, – согласился я.

У церкви дорога свернула к рынку, похоже, а у входа на рынок я увидел длинный двухэтажный бревенчатый дом с вывеской «Гостиница».

– Тут и пожрем, – показал на дом Платон. – А сельпо на рынке, прямо за гостиницей, туда и зайдем. Мить, если тебе в магазин не надо, может, ты пока столик займешь да пожрать закажешь?

– А что заказывать?

– А тут или курица, или свинина. И гарнир или картошка, или макароны.

– Заказывать-то чего?

– Свинину с картошкой, – хором выдали мы.

– И суп какой там у них есть на сегодня, – добавил Платон.

Дмитрий кивнул и свернул к гостинице, а мы вдвоем пошли дальше. Впрочем, далеко идти и вправду не пришлось: еще один бревенчатый дом с лаконичной вывеской «Магазин» оказался прямо за воротами. Поднялись на крыльцо, топая ботинками, чтобы с них снег сбить, я потянул дверь на тугой пружине. Пахнуло теплом и запахом нафталина, а мы вошли в полутемное помещение с дощатым прилавком, за которым сидел упитанный мужик в овчинном жилете, читавший книгу. Он посмотрел на нас вопросительно, но книги откладывать не стал.

– Здаров, Михал Степаныч, – поздоровался с ним Платон.

– Привет, Серега, – назвал Платона по имени мужик. – С чем пришли?

В магазине было все, от пакетов с крупой до ружей и винтовок, стоявших рядком в пирамиде. Одежда тоже была, с обувью, полушубки и валенки занимали целый угол. Еще в магазине было тепло почти до жары, пахло горелым деревом и горячим металлом.

– Человек с нами оттуда. – Платон показал почему-то на потолок. – А куртец у него не по сезону. И на продажу кое-чего имеет. Коль, покажи товар, – кивнул он мне.

Я выложил чехол на прилавок, со вжиканьем расстегнул молнию, открыл.

– «Рем-восемь-семьдесят», семизарядный, две коробки патронов в комплекте, – коротко описал я товар.

Продавец хмыкнул, явно стараясь изобразить скептицизм, взял ружье в руки. Покрутил, без большого знания явно, заглянул в затвор, дернул неуклюже цевье, щелкнул спуском, не слишком ловко приложив приклад к плечу, потом, явно не найдя, что еще можно сказать, просто спросил:

– Сколько хочешь за него?

– Девяносто золотом, – тут же ответил Платон. – Без торга.

– Ты с ума сошел! – замахал руками хозяин. – Больше полтинника…

– Степаныч! – Рука Платона взмыла в предупреждающем жесте. – Нет торга. В Форте дороже уйдет, я же знаю. Просто товарищу деньги прямо сейчас нужны, а то у него одни кредитки. – Речь завершилась чуть ехидной ухмылкой.

– А то моя вина, ага, – вздохнул я. – Я сюда прямо рвался.

– Не рвался, но попал.

– А это что у тебя? – Хозяин вдруг заинтересовался висящим на груди револьвером.

– По цене договорились? – вместо ответа задал я вопрос.

Степаныч вздохнул горько, на манер «давайте, грабьте», затем полез куда-то под прилавок, как оказалось – за деньгами. Затем на прилавке появилась груда мелочи, при ближайшем

рассмотрении обернувшейся золотой. Монеты были разные, разной степени потертости, среди них и серебряный рубль затесался, но Платон быстро их пересчитал и ссыпал мне в ладонь, уверив:

– Все правильно, Степаныч, как всегда, без обмана.

– Так что за ствол у тебя, любезный? – повторил вопрос Степаныч. – Дорогой?

– Ствол дорогой… более или менее. – Я вытащил длинный револьвер из кобуры. – «Ругер Супер Рэдхоук» под «четыре пятьдесят четыре кэсалл». – Я откинул барабан и, высыпав патроны на ладонь, протянул оружие хозяину.

– У тебя там никакой магии? – чуть опасливо спросил тот, избегая брать в руки.

– Магии? – в первый момент не понял я.

– Да довелось тут всякое видеть, – пояснил Степаныч. – Мужику одному из Форта чародей ружье усовершенствовал типа. Кто чужой берет – его током шарашит. Шутник вроде. У нас, правда, дошутился – ружье отобрали все же и сломали к черту, а самого к лекарю с сотрясением мозга отнесли.

– Вот как… – задумчиво кивнул я, связав в цепочку оружие и чародея Саню. – Нет, пока без всякой магии.

Я отдал ему ствол и один из патронов, сказав только, чтобы поосторожней был. Как-то не показался мне Степаныч уверенным пользователем.

Пока Степаныч крутил в руках большой и тяжелый револьвер, слушая пояснения Платона, не сильно-то и разбиравшегося в предмете, я начал перебирать висевшие рядком тулупы, какими «магазин» тоже торговал. Обычные такие тулупы, только крашены в разный цвет. Есть простые белые, вроде военных, есть черные, а есть и настоящие дубленки, причем они подороже.

– Волк? – спросил я, снимая с вешалки на удивление добротную короткую серую шубу.

– Волк! – кивнул Степаныч. – Тепло – страсть. И сносу нет.

– Это я знаю.

Была у меня подобная когда-то. И в снег, и в мороз куда угодно в ней, только собаки не любили. Но так и я их не люблю, так что плевать.

– Почем?

На ценнике фломастером «25» написано.

– Четвертной, золотом, – сказал Степаныч. – А на кого патрон такой зверский?

– На медведя. Я серьезно, – добавил я, перехватив его ухмылку. – На Аляске первая самооборона от гризли. Рыбаки тех же ружей или винтовок носить не любят, мешают, поэтому такие револьверы и таскают. Я сам и таскал.

– Ну да, – нахмурился Степаныч, – вообще здоровый патрон, ага.

– Так я шубу беру?

– Бери, бери, – закивал он. – А еще такой револьвер есть?

– Нет больше, – соврал я. – Этот на мне был, один такой.

Не надо торопиться. Деньги есть – пока осмотрюсь. А так у меня пятьдесят разных стволов в пикапе, не считая всего прочего.

В общем, вышел я из магазина в волчьей шубе и с сумкой, в которой лежала моя куртка. Хотел и валенки взять, но передумал: ботинки у меня на любой мороз годятся, тоже торопиться смысла нет. Да и машину вести в валенках не очень. А вот Платон, к слову, в подшитых валенках уже топал, и в таких же почти все встречные прохожие были. Простая жизнь.

Дмитрий нас уже ждал. На столе перед ним стояли три миски супа, одна уже почти пустая, и кувшин с чем-то. На деревянном подносике нарезанный хлеб горкой.

Столовая, или как там это правильно называть, занимала половину первого этажа гостиницы. Сейчас зал был пуст, разве что за столиком у самого окна раздачи сидел какой-то вояка

в камуфляже, автомат стоял рядом у стены, около брошенной на пол разгрузки. В зале пахло жарящимся мясом, отчего мой голод озверело кинулся в атаку.

– Опаньки, – сказал Платон, потирая руки. – Что за супец?

– Картофельный, – ответил Дмитрий. – Но нормальный. По песярику? Я заказывать не стал, но… Гаишников тут нет ведь?

– От песярика беды точно не будет, – уверенно заявил Платон, усаживаясь за стол.

Молодой парень в белом переднике подошел к нам, поздоровался и тут же ушел, вскоре вернувшись с маленьким графинчиком.

– Триста, – сказал он, поставив графинчик на стол вместе с тремя рюмками. – Только у нас самогон, пятьдесят градусов, так что учитывайте.

– Учтем, – уверенно сказал Платон, взявшись за разлив. – Мы по чуточке, мужики, ага? Чтобы на три разлива хватило и не косеть.

Самогон оказался крепким, едучим, но вполне чистым, даже запаха почти что никакого. Под супчик первая рюмка провалилась легко и, даром что в ней на дне было, в голову слегка стукнула.

– Коль, Мить, – за новую жизнь, – произнес Платон. – У Мити тоже причина вроде твоей, только во времени растянутая, – наш проводник повернулся ко мне: – Рак у него, в терминальной.

Я посмотрел на того вопросительно, и Дмитрий кивнул.

– Там все, а здесь залечим. В Форт приедем – и через пару дней в норме будет.

– Надеюсь, – усмехнулся Дмитрий.

– Ты Николая убил же, наповал считай, – даже чуть возмутился Платон. – Не далее как вчера. А теперь с ним водку пьешь. Ну и к чему сомнения?

Та первая поездка до Форта запомнилась мне навсегда, хотя с нами абсолютно ничего не случилось. Сначала мы подъехали к КПП на въезде в село, за которым, за бетонными блоками, стоял старенький БТР-60, уставив пулеметный ствол на дорогу перед собой. БТР, может, и старенький, но аргумент у него серьезный, внушает уважение. Там вояки быстро записали наши данные в какой-то журнал, страсть как поразившись моему водительскому удостоверению, выданному штатом Аляска, да и выпустили нас на дорогу, пока еще едва освещаемую поднимавшимся солнцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.